

С.В ГЛЕБОВА

Аспирант, Кафедра этики

Санкт-Петербургский государственный университет

Л.И. ЮНУСОВА

бакалавр 4 курса,

Санкт-Петербургский государственный университет

УДК 177

**ИНТЕРВЬЮ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ
ТЕАТРА ИМПРОВИЗАЦИИ «ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ» (Г.
КИЕВ) А.Н. НЕЕЛОВЫМ: ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ
И ПЕРСПЕКТИВАХ ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В
ТЕАТРЕ**

С актуализацией дискурса о «Новой этике»¹ вопрос о допустимости этической экспертизы встает все острее. Наиболее дискуссионным этот вопрос становится в сферах, затрагивающих наибольшее число людей, в качестве потребителей контента: в юморе и в искусстве. Процент снятых спектаклей, закрытых выставок, отказов в выдаче прокатных удостоверений фильмам, аргументированный нравственными мотивами растет не только в России, но и в странах Европы и Америки – общества толерантности и «культуры отмены», с одной стороны, и обострение дискурса о защите «традиционных ценностей», с другой обуславливают научный интерес к данной проблеме. Данное интервью проведено в рамках диссертационного исследования, посвященного актуальным проблемам этической экспертизы. Собеседником является Анатолий Николаевич Неелов – художественный руководитель театра импровизации «Черный Квадрат» (г. Киев). Целью проведения данного интервью является выявление частного опыта моральных конфликтах в художественной среде, области бизнеса и отношения к этической экспертизе. В рамках данного интервью была засвидетельствована высокая степень конфликтогенности темы эротизма в искусстве, а также запрос на проведение предварительной этической экспертизы произведений в целях предотвращения травмы зрителей, с одной стороны, и защиты самого художника и института, демонстрирующего произведение, - с другой.

¹ Термин употребляется исключительно в рамках русскоязычного научного пространства.

Ключевые слова: этическая экспертиза, театр, новая этика, эротика, общественная мораль, интервью.

S.V. GLEBOVA

*Postgraduate Student, Department of Ethics,
St. Petersburg State University*

L.I. YUNUSOVA

*4th year bachelor, direction: Cultural Studies,
St. Petersburg State University*

INTERVIEW WITH A.N. NEELOV: ON CURRENT ISSUES OF ETHICAL EXPERTISE IN THEATRE

Because of the actualization of the discourse on the "Cancel culture", the issue of the admissibility of ethical examination becomes more and more acute. This issue becomes the most controversial in areas affecting the largest number of people as consumers of content: in humor and in art. The percentage of canceled performances, argued by moral motives, is growing not only in Russia, but also in European and American countries - a society of tolerance and a "culture of cancellation", on the one hand, and an exacerbation of the discourse about the protection of "traditional values", on the other hand, define the scientific interest in this problem. This interview was conducted as part of a dissertation research on topical issues of ethical examination. The interlocutor, Anatoly Neyelov, the director of the 'Black Square' improvisation theater (Kiev). The purpose of this interview is to identify private experience of moral conflicts in the artistic environment, the field of business and attitudes towards ethical examination. Within the framework of this interview, a high degree of conflict potential of the topic of eroticism in art was attested. The a preliminary ethical examination of works is requested in order to prevent trauma to viewers, on the one hand, and to protect the artist himself and the institute demonstrating the work, on the other.

Keywords: ethical examination, theater, new ethics, eroticism, public morality, interviews.

Неелов: Я — художественный руководитель театра-импровизации «Чёрный квадрат», в этом году, в сентябре, театру будет 30 лет. Мы — единственный популярный независимый театр, мы независим от государства, мы не берём никаких дотаций, денег и всего остального, существуем только на обеспечение зрителей: зрители приходят, значит мы живём. В докарantinные времена мы играли по 600-650 спектаклей в год, мы — гастролующий театр (по основным областным центрам Украины, Израи-

лю, Европе, в Прагу, Вену, Польшу). Достаточно нормально работали и жили в течение долгих лет.

ИНТЕРВЬЮЕР: Хорошо, спасибо большое. Знаете ли вы какие-либо этические конфликты в искусстве? Возможно, Вы непосредственно сталкивались с ними в своей работе.

НЕЕЛОВ: Они всегда есть, эти конфликты. Искусство и есть конфликт, тут надо так рассматривать, потому что искусство — это всегда субъективно и, соответственно, у каждого свой вкус, кто любит дыню, кто арбуз. Если ты занимаешься искусством, ты автоматически попадаешь в зону этических конфликтов, потому что одному кажется, что это делать нельзя, а другому кажется, что можно. И вот тут возникает вопрос: “Кто имеет право судить, что можно художнику?”

ИНТЕРВЬЮЕР: Вот об этом мы с вами сегодня и поговорим. Можете ли Вы вспомнить, когда в вашем городе и, возможно, когда в вашем театре отменяли какие-то спорные спектакли и говорили, что это аморально, и что это надо прекратить?

НЕЕЛОВ: Постоянно, особенно когда мы делали спектакли на табуированные темы, темы секса... здесь постоянно возникали проблемы. Фокус в том, что ещё Аристотель сказал, что человека в искусстве интересует две вещи: Эрос и Танатос, секс и смерть. Самое интересное, к смерти у людей претензий нет, то есть ты можешь убить на сцене хоть 20 человек и никаких этических претензий не будет. Гамлет — очень кровавая пьеса Шекспира, и никаких этических претензий к Гамлету нет. Или Ромео и Джульетта, когда за один день из-за любви двух малолеток — 9 трупов в Вероне, но никого это не волнует. Зато секса, из-за которого всё и началось, как такового нет. Поэтому, этическая проблема — это интимное отношение. Причём чаще всего претензии предъявляются к названиям. Потому что мы берём название для привлечения зрителя, в котором есть слово секс: “Интим не предлагать”, “Секс временно доступен”... Хотя в самом спектакле, в материале, его нет и быть не может. Но у некоторых снобов и ханжей возникает красная лампочка, которая загорается в голове: “Как так, они об этом говорят”. Во всём мире проблема с демографией и отрицательной рождаемостью, но о сексе, нет, не говорим.

ИНТЕРВЬЮЕР: То есть, я правильно понимаю, что конфликт возникает как раз потому, что есть какая-то вокализация, есть артикуляция, что люди занимаются сексом.

НЕЕЛОВ: Есть намёк, намёк, что о сексе кто-то имеет право привычно и прилюдно разговаривать. При том, что обнаженные фигуры скульптур Древней Греции или итальянские скульптуры средних веков, эпохи Возрождения, полуобнаженные фигуры Рубенса никого не волнуют, это считается нормой, но тоже самое сейчас — ай-ай-яй. Идет борьба за

нравственность, а что такое нравственность, вообще никто полноценно ответить не может: “Я считаю, что это нравственно, вот оно и нравственно” и все.

ИНТЕРВЬЮЕР: Хорошо. Как вы думаете, есть ли какие-либо положительные моменты, какие-то конструктивные тезисы в этом конфликте?

НЕЕЛОВ: Да, если государство не пускают туда принимать решения. Государство всегда работает по принципу “не пускать, запрещать”, то есть, грубо говоря, вообще самое правильное в работе этических вопросов с театром, если мы говорим о театре, хотя, думаю, и в искусстве тоже — очень просто: рубль, гривна или доллар, то есть, деньги. Зрители голосуют ногами. Если я сделал не искусство, зритель не придёт, зритель не будет это оплачивать, соответственно, если нет зрителя, то нечего это и показывать. Проблема в том, что это самое лучшее ограничение. Потому что, если мы вспомним фильмы Ларса фон Триера, где немерено всего откровенного, однако это искусство, это получает премии, получает на Каннском фестивале, получает Оскара, потому что хоть там это и показано, но это не про секс, это про человеческие отношения. Потому что чистую порнографию никто и нигде показывать не будет, потому что это не является искусством, и все это четко ощущают. Даже самый бездарный, тупой человек, который никогда не потребляет искусство, четко может провести разницу между искусством интимным и порнографией. Эта разница в голове у каждого человека есть, но, за исключением, чиновников и церковников.

ИНТЕРВЬЮЕР: Вот вы как раз начали уже отвечать на следующий вопрос: как лично вы отличаете произведение искусства от не произведенный искусства?

НЕЕЛОВ: когда это о душе, о внутреннем, когда это про переживание, про ощущение, про эмоции, а не про физиологию, не про телодвижения. Когда на первом месте стоит встреча с глубинными, настоящими, душевными поползновениями, а не с физкультурой. Когда тело занимается физкультурой, эротика даже больше. Если посмотреть Instagram, где полураздетые девушки в бикини занимаются на пляже, это может быть в 10 раз вульгарнее, чем просто даже обнажённая женщина на картине какого-нибудь художника Ренессанса.

ИНТЕРВЬЮЕР: Хорошо, спасибо. То есть, так или иначе, этот критерий опосредованно, но связан с моральными понятиями, да?

НЕЕЛОВ: Есть мораль, а есть нравственность, и я бы эти понятия разделял. Есть закон нравственности, как у Канта: не делай другому того, что себе не желаешь [примечание авторов: в данном случае приводится «Золотое правило морали»]. А вот мораль - это общий некий параметр, о котором социум договорился, что это для нашего социума прилично или

неприлично, что это можно или это нельзя. Мораль — это категория общественная, нравственность — индивидуальная. Поэтому мораль чаще всего является ограничителем, это некий барьер, за который человек не должен выходить, чтобы не травмировать общество. С другой стороны, общество постоянно травмируется: травмируется о коронавирус, о политику, о критику, обо всё что угодно. Общество постоянно травмировано, психически здоровых людей в социуме вообще не осталось. В психиатрии работает только одна фраза: “отсутствие нормы и есть норма”, поэтому очень странно выглядит, когда общество, постоянно находящиеся за рамками морали, аморально в своей убийственности, в своем воровстве, во всем, что делает человек. Даже деньги на 99% аморальны. Не бывает грязных денег, но бывают грязные способы их зарабатывания. И тут вдруг общество включает резкий вид «а вот об интимном нельзя». Мы все за эти границы вышли, зона личного сидит в концлагере, а все те, кто за территорией концлагеря, ведут себя хуже, чем в нем.

ИНТЕРВЬЮЕР: Может ли искусство вообще быть оскорбительным или унижительным?

НЕЕЛОВ: Конечно. Оно для этого и существует: искусство не может быть скучным, оно может быть отвратительным или красивым, оскорбительным или комплиментарным. Оно может быть любым, главное, оно не может быть скучным. А дальше уже выбор человека, который выбирает это искусство. Люди, которые идут в стендап, где без конца звучит мат, никогда на это не оскорбляются, потому что сами осознанно это выбрали. У человека должно быть право выбора потребления искусства, я должен, как создатель искусства, искренне информировать: “этот материал для 21 плюс, здесь звучат нецензурные слова”. Я этого не люблю, но считаю, что другие имеют на это право.

ИНТЕРВЬЮЕР: Правильно я понимаю, что в таком случае этический критерий для искусства, безусловно, важен, но не столько, чтобы его соблюдать, сколько, чтобы им манипулировать?

НЕЕЛОВ: Не совсем, ты не точно выразила мысль. Этический критерий очень важен, фокус в том, что он важен в правильном позиционировании, то есть, полное разрешение. Ну, допустим, этично ли в прямом эфире убить человека? Нет, не этично. Этично ли поставить спектакль про это убийство? Этично. Тут уже есть анализ, то, ради чего мы это ставим. Специалист по этике должен работать, по большому счёту, как доктор: “не навреди”. Поэтому вот этот момент — это не запреты, это — очерчивание, то есть, грубо говоря, если я, например, сделал спектакль по Макдонаху “Человек-подушка”, где убийство, где стреляют из пистолета и что-то еще. Я не могу его продавать как мелодраму, обманывать зрителей. В этом случае, с моей стороны это будет безнравственно и аморально: заманивать

зрителя ради денег. Нет, я должен правильно позиционировать, быть честным по отношению к людям, и вот за этим нужен определенный надзор. Потому что в погоне за деньгами многие вещи продаются не так, как чем они являются. Но тут я бы даже сказал жёстче, когда кто-то пишет, что, вот, у нас смешная комедия, а на спектакле зритель ни разу не смеётся, это тоже безнравственно и неэтично. Мы сейчас говорим о табуированных темах, но неэтичным оказывается просто любой обман.

ИНТЕРВЬЮЕР: Является ли этот критерий универсальным, как для искусства в его хронологической разнице (для классического искусства, для современного искусства), так и для современных жанров?

НЕЕЛОВ: Да. Есть одна вещь, которая по умолчанию является неэтичной — это насилие. Насилие над ребёнком — это ужасно, отвратительно, должно быть уголовно наказуемым. Насилие над взрослым человеком, который не может дать тебе ответ: над женщиной, которую мужчина избивает, — это отвратительно. И точно так же отвратительно любое насилие художника над потребителем, над зрителем. Но всегда есть момент сочетания насилия и свободы выбора. Есть люди, которые хотят насилия, требуют насилия над собой, над своей душой. Есть известная цитата: “Зритель в театре хочет быть изнасилованным, испытать оргазм и при этом этого не заметить” — при чем, не заметить не оргазм, а не заметить насилия. Фокус в том, что должно быть право у человека на выбор, даже того, что запрещено, если человек этого хочет. Также как, работает проституция в цивилизованных странах: у проституток есть профсоюзы, они платят налоги, это государством защищено, это осознанный выбор, и это профессия, в этом нет ничего страшного. Поэтому тут вопрос в нормах цивилизации, в системе законодательства, которая выстроит это в некое единое русло, и этику в этом русле тоже можно выстроить, а для этого нужны эксперты, тут без вариантов.

ИНТЕРВЬЮЕР: Должно ли искусство воспитывать?

НЕЕЛОВ: Может, но не должно, вот так будет точнее.

ИНТЕРВЬЮЕР: На вашей памяти были ли попытки закрытия выставок, снятия спектаклей со стороны органов власти?

НЕЕЛОВ: Да, на фестивали не пускали, было. Но у нас одна правильная вещь, в отличии от других — не брать от государства деньги и делать вид, что нас нет. Тогда тебя не замечают, а вот если ты взял у государства деньги, ты ему обязан. Не связывайся с государством, делай вид, что тебя не существует, зрители и так тебя найдут, если ты создаешь качественный продукт. Для этого сейчас более, чем достаточно средств информации, помимо интернета. Поэтому ключевой вопрос заключается в этом, если ты взял деньги у государства, ты обязан отработать эти деньги на та-

ких основаниях, на каких эти деньги взял. А дальше возникает вопрос к персоналии, кто является тем человеком, чиновником, который дал тебе эти деньги, и от его вкуса, его восприятия зависит и твоя широта этических возможностей.

ИНТЕРВЬЮЕР: То есть, такие попытки могут быть обоснованы с позиции рыночной экономики, я правильно понимаю?

НЕЕЛОВ: Однозначно, да. Государство тратит кучу денег, снимая патриотическое, лживое, абсолютно пошлое кино, на которое идут и смотрят миллионы людей. Для меня это безнравственно и фактически оскорбляет, а с этим ничего не поделать.

ИНТЕРВЬЮЕР: Можно ли рассматривать моральное цензурирование как политический инструмент?

НЕЕЛОВ: Однозначно, он для этого и используется. Любая цензура — это всегда политика. Цензура — это никогда не этика, под видом этики всегда проталкивается политика, вот и всё.

ИНТЕРВЬЮЕР: Были ли случаи возмущения со стороны религиозных общин?

НЕЕЛОВ: Ну, конечно, потому что существуют разные виды религий, существует христианство православное и католическое, которое очень по-разному относится к разным вещам. А если еще говорить про буддизм или ислам, то там вообще контрастные вещи. Когда нас пригласили на гастроли в Азербайджан, там было это жёсткое цензурирование: что в этой стране делать нельзя, играть нельзя. И мы с уважением относимся к их нормам несмотря на то, что это цензура. Однако это должно делаться не тогда, когда мы прилетели, потому что они осознанно понимали, что они приглашают, какой театр, с каким репертуаром, мы их не обманывали. Мы - такие, какие мы есть, а они говорят: “Вот такие вы нам не нужны, а нужны такие”.

ИНТЕРВЬЮЕР: Есть ли у Вас, Анатолий Николаевич, понятие самоцензуры: что-то, что Вы никогда не будете ставить.

НЕЕЛОВ: Ну, смотри, у меня есть мой личный вкус. И вкус мой, как человека, не соответствует моему вкусу, как художественного руководителя. Это два разных человека, потому что художественный руководитель театра — это функционал, и если я буду объединять его с собой, то половину спектаклей, которые есть у меня в театре, я бы давно закрыл. Мне они не нравятся, они гадкие, противные, неинтересные. Но зрителям, актерам, режиссерам они нравятся, ну пусть играют. Какое я имею право собственные этические вкусы перекладывать на всех-всех людей только потому, что я главный? Это несправедливо. Проблема в том, что как только человек становится руководителем, чиновником, управленцем, в 90% случаях он начинает считать, что его точка зрения и есть некая истина, и вот это

проблема. Проблема человеческой деградации создает этические проблемы. Я думаю, если бы больше людей мыслило, как я, чётко разделяя собственные вкусы и собственную должность, то половину этических проблем, и даже больше, просто бы не возникало. Фразу “роль личности в истории” я бы заменил на “роль личности в этике”.

ИНТЕРВЬЮЕР: Но вот, допустим, к вам приходит Слава Никоноров или Серёжа Федорчук [прим.: актеры и режиссеры театра «Черный квадрат»] и приносят Вам этюд, который вы категорически не хотите ставить. Может быть такая ситуация?

НЕЕЛОВ: Да, а дальше уже идёт анализ: “Ребята, ответьте мне на вопрос, почему девочка или мальчик из пригорода должны целых полтора часа тащиться на ваш спектакль, потом ещё вечером поздно возвращаться домой? С чем они уедут?” Если это будет, с моей точки зрения, не интересно и травматично, то я этот этюд не выпущу, но если это будет интересно и травматично, то моя задача дальше — это правильно позиционировать, правильно сделать честный анонс и объяснить. Чем больше на базаре выбор, тем лучше базар.

ИНТЕРВЬЮЕР: Как искусство работает? Стоит ли искусству как-то считаться, что есть толерантное, а что нетолерантное.

НЕЕЛОВ: Тут такая тонкая грань. Вот есть сериал “Чернобыль”, и было очень много обвинений создателей этого сериала, что там не снят ни один афроамериканец. Но исторически так сложилось, что в Украине в 86 [1986] году афроамериканцев не было. И обвинения в том, что им не дали сняться в фильме — уже маразм. 90% толерантности — это, чаще всего, спекулирование посредством представлений о толерантности, выбивание себе личных предпочтений каких-то. Есть здравый смысл, и, ключевой вопрос — кто контролирует этот здравый смысл: государство и чиновник, художник или просто отдельный орган, у которого есть эксперт. Есть ли специалист по толерантности? Если это популярно, значит должны появиться специалисты. Он так и должен называться, не этический эксперт, а специалист по толерантности. И он принимает решения, что толерантно, и аргументирует это. Потому что не может быть выбор без аргументации, как и аргументация должна быть привязана к здравому смыслу. Тут такая тонкая грань, я, в принципе, считаю, что 90% толерантности связано с моралью, и то, что общество считает моралью, трансформируется обществом, а мораль в обществе является категорией постоянной. То, что сейчас девочки ходят в бикини на пляже, а когда-то они ходили в шортиках, а когда-то даже в одежде плавали, потому что разные уровни свободы социума трансформируют мораль. Вместе с моралью должна трансформироваться и толерантность, но вот толерантность абсолютно безнравственна, потому

что этот разрыв между нравственностью моральностью — это [вещь] массовая, либо точечная. Поэтому, когда я говорю человеку с чёрной кожей, что он — негр, я либо его оскорбляю, либо просто констатирую факт. И, на самом деле, нельзя оскорбить, можно лишь оскорбиться. Если он ударит меня в челюсть, значит он оскорбился, а если он засмеялся над этим и обозвал меня белой обезьяной, то это чувство юмора и мы посмеялись вместе. Тут вопрос так кто из нас толерантен: он или я? Очень тонкая грань.

ИНТЕРВЬЮЕР: Изменилось ли понятие толерантности за последние десять-пятнадцать лет?

НЕЕЛОВ: Да, без сомнения.

ИНТЕРВЬЮЕР: Отразилось ли это на произведениях искусства?

НЕЕЛОВ: Да. Вот сейчас в Ютубе 30 млн просмотров у передачи “Что было дальше?”, и они там без конца ругаются матом. Но даже 5 лет назад это было невозможно, то есть, это было бы немножко стыдно, люди бы стеснялись, что они это смотрят, а 10 лет назад уже пошли бы запреты, уже бы были открыты дела за мат в интернете. Сейчас это уже невозможно, река так переполнилась, что уже фабриковать какие-то административные или уголовные дела за вот такое вот использование массовое, массштабное, уже нельзя. Воздействие на природу человеческого социума бессмысленно. Конечно, изменения есть, они не могут не быть, плюс демократия — это тоже не самый лучший способ управления и, соответственно, толерантность, которой сейчас заправляют демократы в США, доходит до маразма. То есть “Чёрный имеют право жить”, а желтые — нет? а белые — нет? а красные — нет? Переписывание истории на 200, 300, 400 лет назад — это дичь. Она была такой, и ничего вы с этим не сделаете.

ИНТЕРВЬЮЕР: Происходят же попытки. Насколько я помню, как раз в этом же контексте, на Нетфликсе сначала убрали “Унесённые ветром”, а потом вернули с припиской, что мы извиняемся, но исторические реалии были таковы.

НЕЕЛОВ: Но это глупость, её не должно быть. Точно так же, как Великая Отечественная война, о которой сейчас “деды воевали”, в России является некой иконой и образом, который не имеет никакого отношения к реальным событиям. У меня дед воевал, я знаю, что это было на самом деле. И я знаю степень грязи и ужасов со всех сторон: любая война — просто тотальная грязь.

ИНТЕРВЬЮЕР: Используется ли и у вас в театре какие-то этические или, опять же, нравственные критерии отбора материала?

НЕЕЛОВ: Да. Это то, что я уже говорил: насилие над детьми и женщинами недопустимо. И это я поставил это ограничение, но я так смотрю, это и нашим актерам не особо интересно. Мы считаем, что развращение

мозга очень опасно. И искусство в принципе имеет сильное воздействие и, соответственно, если хоть чуть-чуть намекнуть на некий интерес в этой области, никто не знает, как сработают мозги зрителя. Поэтому, когда мой ребёнок в 8 лет просит: “Папа, покажи мне секс”, я говорю: “В смысле?” “Вот, там в интернете, тра-та-та-та” — у него уже есть доступ к телефону — я говорю: “Сынок, давай, вот, через пару лет” И я могу рассказать ему об этом и удовлетворить его интерес, хотя он знает про физиологию, и то, как он появился, но это не одно и то же для него. Но зачем развращать молодой мозг? Придет всему своё время, он найдет ответы на эти вопросы — раньше, чем я, конечно, дети взрослеют сейчас — но не тогда, когда ему ещё в игрушки нужно играть, учиться писать и разговаривать. То есть, это другие вещи, приоритеты, последовательность. Мозг не должен забиваться. Скорость развития есть у всего, да, то есть как у плода на дереве есть срок созревания, у взросления личности тоже. Потому что иногда в театр может прийти и незрелая личность, хотя, может быть ей и 40 лет, но она незрелая. И неправильное позиционирование каких-то вещей может привести к психическим отклонениям. Поэтому театр не должен служить источником психического заражения, и вообще искусство, нежелательно.

ИНТЕРВЬЮЕР: Отбором материала занимаетесь вы, и я, так понимаю, режиссёры, которые работают.

НЕЕЛОВ: Я занимаюсь утверждением, а отбором может заниматься кто угодно, любой человек, даже актёр, может принести идею, материал, пьесу. А вот утвердят ли ее в постановке — для этого есть художественный руководитель. Не директор, не режиссер, а именно руководитель в области художественного. Он говорит, что это художественно или не художественно, это искусство или просто графомания. Я являюсь тем барьером, который надо миновать.

ИНТЕРВЬЮЕР: И вы выступаете, в этом смысле, единолично. Я почему спрашиваю, потому что в этических советах сейчас большой вопрос в том, что стоит ли приглашать экспертов со стороны и стоит ли приглашать обывателей.

НЕЕЛОВ: Обывателей не стоит, а экспертов стоит. Обыватели никогда не могут оторвать собственные вкусы по отношению к количеству, ни в коем случае. Обыватель — это несерьезно. Это как, ни один обыватель не может заменить судью, но суд присяжных — это 12 человек, уже из субъективного возникает некое объективное, но оно не гарантировано, но есть шанс. Поэтому есть, наверное, какое-то число обывателей, когда можно собрать их, причём принципиально разных, потому что нельзя, прийти, допустим, в воинскую часть, взять 12 человек и привести их принимать решение. Это должен быть срез общества, 12 разных обывателей могли бы

вынести определённое суждение, как суд присяжных. Но фокус в том, что даже их решение должен утверждать судья. Их решение не является окончательным, на него можно опираться, его нужно выслушать, но решение должен принимать специалист. Это всё равно, что 12 обывателей придут и будут решать, как тебе делать операцию на сердце. Театр занимается операциями на душе, проведи параллель, почему 12 человек должны принимать решение? Нет. Точно также должен быть специалист, и без специалиста нельзя принять решение.

ИНТЕРВЬЮЕР: Я так понимаю, что за тридцатилетнюю историю театра были реальные случаи отказа режиссёрам в постановке. Как эта процедура проходит и что режиссёр делает с этим в последствии?

НЕЕЛОВ: У меня в театре ничего не делает, грустно вздыхает, и все.

ИНТЕРВЬЮЕР: Есть, например, галереи, которые отказывают художнику раз и навсегда, они больше не рассматривают никакие его произведения. Есть варианты, когда они дают рекомендации, пожелания, что они бы не хотели «клубнику, а хотели бы авокадо». И художник что-то пытается по этому поводу изобразить. То есть, режиссер, я из своего опыта насколько помню, уходит с этим этюдом и, если он хочет, приходит с каким-то другим, выбирает другой материал.

НЕЕЛОВ: Да он может и с этим, вопрос, почему отказ. Потому что это либо плохо сыграно, либо висит в темпоритме, либо нарушена событийность, то есть технология приготовления продукта нарушена. Поэтому тут не имеет значения драматургия и контент, здесь имеет значение технология. Грубо говоря, ты взяла яйцо, муку и сахар, чтобы сделать блинчики. Но ты не соблюдала пропорции, и та жижа, которая получилась, она на плите пригорает. Но ты говоришь, что это у тебя такие блинчики получились. А то, что они не съедобны? Но в рот же их засунуть можно. Да, но есть-то их не хочется. То есть, это должно быть интересно, качественно и тебе должно хотеться это потребить.

ИНТЕРВЬЮЕР: В этих отказах, в них или не было вообще ни разу, или крайне редко была этическая составляющая?

НЕЕЛОВ: Отказов по этической составляющей у меня вообще не было, у меня бывали случаи, когда мне не нравится спектакль, но технология так сделана точно. Вот тот же спектакль по Макдонаху, который ребята делают, “Умри, потом будет поздно”, мне это очень не нравится, но то, что они сделали — это профессионально, точно и честно. Поэтому это играет, потому что ну а как иначе?

ИНТЕРВЬЮЕР: Необходима ли на ваш взгляд вообще этическая экспертиза произведения и почему?

НЕЕЛОВ: Да, даже если я не буду на это полагаться, но я бы заказывал некоторые экспертизы, не для всех. Не должно быть обязательности в

этом процессе, должна быть возможность. То есть, например, мне чётко понятно, если я ставлю Чехова, и если я этого Чехова ставлю согласно Чехову, у меня не бегают Раневская голая, обнажённая по залу, там нет нарушений, никаких таких вопросов, то тогда зачем мне экспертиза? А вот если я хочу сделать авангард, хочу сделать артхаус и вношу определенные вещи, которые являются спорными, вот тут мнение эксперта даже мне могло бы пригодиться.

ИНТЕРВЬЮЕР: Кто, по вашему мнению, должен входить в комитет по этической экспертизе?

НЕЕЛОВ: Этический эксперт — такой профессии нет, хотя потребность в нем есть. Кто может быть? Философ, человек, закончивший философский? Скорее всего, да. Психолог? Да. Культуролог? Да. Если говорить о такой “расстрельной тройке”, то как раз психолог, культуролог и философ могли бы быть экспертным советом. Три психолога - перекося, три философа - тоже. Скорее всего, что тут нужно было бы выбирать именно так.

ИНТЕРВЬЮЕР: Какой должен быть итог у этой экспертизы? Это может быть рекомендация, как вам, так и зрителю, какое-то развернутое ревью, это может быть жёсткий вердикт из разряда “данный спектакль аморален” или это вынесение санкций, запрет спектакля, например

НЕЕЛОВ: Все три фазы должны быть, почему надо выбирать что-то одно? Что-то просто на уровне рекомендации: не рекомендуем, ну и ладно. А может быть и прямой запрет, и ограничения, лишить финансирования. Все три предложения абсолютно правильные, просто каждый конкретный случай требует конкретного рассмотрения. Если мы возьмём принцип, что они только дают рекомендации, будет бессмысленность в этом процессе. Если они будут давать только ограничения, тоже бессмысленность. Если они будут водить только санкции — тоже. Весь спектр должен быть. Инспектор должен тебя останавливать. Точно так же, как гаишник может тебя просто пожуришь, а за то же нарушение, когда следующего человека остановит, он возьмёт штраф. И, опять же, сумма штрафа тоже разная. Да, в одном случае он выпишет минимум, в другой — максимум, в зависимости от того, как ты себя ведёшь. От этичности своего поведения, признаешь ты свою вину, извиняешься, либо ты выходишь и говоришь: “А что это такое?”. Поэтому есть такая система, она должна так работать, должны быть различные формы взаимодействия с этической комиссией.